

От создателя
Тани
Троттер

Омгтрий Емеу

Черная-
черная
простыня

ЭКСМО

Дмитрий Емец
Гость из склепа
Серия «Ужасные истории»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145511
Черная-черная простыня: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-05624-6*

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Емец

Гость из склепа

Глава 1

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Как-то раз двое приятелей нашли рядом с кладбищем пустой гроб. Один из друзей шутки ради улегся в него и попросил закрыть его крышкой.

Приятель выполнил его просьбу. Примерно через минуту лежавший внутри попросил его выпустить, но крышка не поддавалась, несмотря ни на какие усилия. Приятель подковыривал ее и ломиком, и ножом – бесполезно. Внезапно тот, который был внутри, закричал ужасным голосом.

Крышка откинулась – гроб был пуст.

1

Соваться в заброшенный дом всегда большая глупость. Особенно когда это ТАКОЙ дом. Да только кто же знал, что все так произойдет? Никто не знал, а значит, и нотации читать некому.

Началось все с того, что два балбеса из седьмого «А» –

Филька Хитров и Петька Мокренко – «задвинули» физкультуру.

– Ты на физру идешь? Я – нет, я форму забыл, – сказал Хитров.

– И я – нет. Что я, олух – пять километров бежать? – пропыхтел Петька Мокренко.

– Да уж точно, – хмыкнул Филька, бросая косой взгляд на грушеобразную фигуру приятеля.

Сам Филька был маленький, взъерошенный, задиристый, похожий на только что выкупавшегося в луже воробья. Зато Мокренко был здоровенный, толстый и ленивый. Кое-кто называл его «тормозом», но очень осторожно, потому что Петька мог и врезать. Вместе они составляли колоритную парочку, известную всей школе.

– Если у них бегать некому, пускай лошадь себе заведут. У меня, может, сердце слабое... И вообще, когда вырасту, я себе машину куплю, – продолжал бубнить Петька.

Рассуждая подобным образом, приятели перемахнули через забор и направились в сторону реки. Погодка была та еще, октябрь на дворе, искупаться не искупаешься, но камни пошвырять можно.

Шли они по сырой дороге – грязной, разрытой шинами, хотя осень и присыпала ее щедро яркой кленовой листвой.

– Деревья тут назло листья пораскидали! Наступаешь на лист, думаешь, твердо, а под ним лужа! Поплавай! – рассуждал Филька.

Когда они проходили сквозь густую сеть переулочков, протянувшихся у реки, где-то совсем близко послышалось вдруг: «Тччук-кк! Биааангг!» Глухой звук удара, перешедший в задорный звон стекла. Несколько секунд паузы – и снова удар. Только на этот раз звуки почему-то поменялись местами: «Биааангг! Тччук-кк!»

Семиклассники остановились.

– Слышишь? – спросил Петька.

– Не глухой.

– Чего это?

– А я знаю? Подсади меня!

Филька влез на кирпичную опору ближайшего забора, изогнул шею, ища в листве просвет, и тотчас взволнованно крикнул:

– Слышь, кладбищенский дом ломают!

– Кладбищенский?.. – недоверчиво переспросил Петька.

Несколько мгновений он стоял неподвижно. Его мозги, как неповоротливые жернова, перемалывали информацию. Потом Мокренко вдруг хрюкнул и вперевалку бросился в соседний проулок.

– Дошло... Эй, а меня с забора снимать? – закричал Филька и, спрыгнув, кинулся за приятелем.

2

На первый взгляд кладбищенский дом мало чем отличал-

ся от других старых домов. Первый этаж каменный, второй деревянный, со свисавшей речной сеткой, на которую когда-то накладывали штукатурку. Давно заброшенный дом торчал тут неммым укором. Крыша прогнила и провалилась, осколки выбитых окон выпирали, точно зубья. Со стороны улицы строение окружала неплохо сохранившаяся чугунная ограда, с завитками в виде согбленных плакальщиц.

В городе дом пользовался худой славой. Периодически про него начинали рассказывать мрачные истории – например, говорили, что раньше рядом с ним было кладбище, а в самом доме лежали неопознанные мертвецы и утопленники. После войны на месте кладбища разбили сад, а потом построили завод резиновых изделий. Завод и теперь еще дымит – делает коврики для машин и беговые дорожки, а под его фундаментом скрываются в земле древние гробы.

Еще ходил слух, что в этих краях пропадают люди – туристы, пьянчужки или просто случайные прохожие, оказавшиеся здесь глухой ночью. Да только достоверно ничего известно не было: пропал человек и пропал, а когда и где, кто его знает.

Шли годы, вот уже и двадцатый век закончился, началось новое тысячелетие, а заброшенный дом все торчал здесь, недоброжелательно вглядываясь прогнившими окнами в окрестные проулки.

И вот наконец пробил его час. Лязгая гусеницами, к дому подъехал бульдозер с ядром на цепи. Ядро качнулось вна-

чале чуть-чуть, потом немного сильнее, и вот уже первый глухой удар раскатился по проулкам. Гнилые бревна второго этажа сдались легко, обвалились сразу же, точно давно ждали случая, а вот первый этаж неожиданно заупрямился. Потребовался добрый десяток ударов, чтобы каменная кладка дала трещину.

3

Когда Филька и Петька подбежали, от кладбищенского дома оставались только полторы стены первого этажа, торчавшие красноватым зубом среди обвалившихся бревен и кирпичной крошки. Ядро бульдозера все еще раскачивалось, но дверца была открыта, а сам бульдозерист куда-то пропал.

– Где он? – удивился Петька.

– Чего ты мне дурацкие вопросы задаешь? «Где он? Почему он?» – огрызнулся Филька. – Я-то откуда знаю? Ушел, наверное. Мало ли какие у человека дела.

– А бульдозер почему бросил? – продолжал допытываться Мокренко.

– В карман не поместился, – на полном серьезе сказал Филька и, оставив Петьку размышлять с разинутым ртом, направился к развалинам дома.

Под подошвами крошился битый кирпич. От бревен пахло плесенью. Хитров обошел дом с другой стороны и остановился у широкого пролома, который когда-то был окном.

И теперь еще сверху свисала гнилая рама, смахивающая на три острых кола.

Филька осторожно просунул голову и заглянул внутрь. Выщербленный дубовый паркет, межкомнатная дверь со следами зеленой краски, большая кирпичная печь, облицованная плиткой с мрачноватым орнаментом – таким же, как на чугунной ограде. Одна часть печки была вся в копоти. К запаху сырости и гари примешивалось еще что-то – неуловимое.

Хитров ощутил охотничий азарт.

– Слезим на разведку? – предложил он.

– А нас ядром не шарахнет? Или обвалится чего-нибудь на голову. Брык – и нету меня, красивого, умного, – с опаской сказал Петька.

– Мы услышим, когда мотор заработает. Бульдозер – это тебе не игрушечная машинка, затарахтит на весь квартал. А на голову и падать нечему – все, что могло, свалилось, – возразил ему Хитров и, ловко перепрыгнув через лист жести, оказался внутри.

Понятие «внутри» стало теперь условным: целой оставались лишь одна стена и часть другой, примыкавшей. Все другие зияли огромными проломами, сквозь которые видны были желтые кленовые кроны.

– Эй, а тут классно! Ванна какая-то чудная, печка... Иди посмотри, толстяк!

– Что я, печки не видел? – нервно буркнул Мокренко.

Он, хотя и вошел следом за приятелем, ощущал себя не в своей тарелке. Кладбищенский дом внушал толстяку необъяснимый ужас. Обогнув мелкую чугунную ванну, торчавшую посреди комнаты, Петька растерянно остановился, глядя в мутное стекло, чудом уцелевшее на половине снесенной стены.

Петька считал себя привлекательным и потому редко проходил мимо зеркала, не заглянув в него. Вид собственной физиономии всегда действовал на него успокаивающе. Но это стекло было каким-то неправильным. Или неправильным было само отражение. Или... тут уже Мокренко совсем запутался.

«Чего-то тут не то. Совсем даже не то. Как-то я малость не так выгляжу. И язык отчего-то высунут», – размышлял он, разглядывая себя. Как и у всех тугодумов, реакция у него была малость замедленная. Но... чем больше он смотрел себя, тем отчетливее становилась беспокоящая его мысль.

Внезапно тонкая струйка пота, выбрав путь, побежала у него по позвоночнику, а правая коленка нервически запрыгала, выбивая чечетку.

Петька увидел тонкую веревку, обвивавшую шею его отражения. Веревка шла от крюка, вбитого в потолок. Голова отражения была почему-то скошена набок, лицо искажено непонятной гримасой, и вообще создавалось впечатление, что...

Заорав, Мокренко отскочил назад так стремительно, что

едва не опрокинул Фильку в ванну. Хитров от неожиданности тоже завопил.

– Ты чего? – спросил он.

– Там... м-меня повесили! Веревка на шею и – брык! А язык – вот так! – выдохнул Петька.

Филька заморгал, разглядывая перекошенную физиономию приятеля.

– Кого повесили?

– Меня...

– Где?

– Там, в зеркале! Нет, не смотри... не подходи к нему! Стой!

– Отпусти мой рукав, толстый! – выразительно сказал Хитров и шагнул к зеркалу.

Мокренко, зажмурившись, ждал.

– Трещина! – услышал он Филькин голос. – Идет сверху по стеклу – ты и принял ее за веревку.

– А язык? Язык почему был высунут? – быстро спросил Петька.

– Это ты у него спроси, чего он высовывается. У тебя нервных болезней нету? – осведомился Хитров.

– Нету.

– Значит, не нашли еще. А чего коленка дергается?

– Хочется ей дергаться – вот она и дергается! Пошли отсюда! – огрызнулся Петька.

«Вот как бывает, не пообедаешь один раз – и сразу глю-

ки», – подумал он и, сунув руку в сумку, нашарил гигантский трехслойный бутерброд. Первый слой был с колбасой, второй с ветчиной, третий с омлетом. Полный нокаут для любого чизбургера! Заботливая родительница знала, что приготовить, чтобы ее отпрыск сохранил хрупкое здоровье с завтрака до обеда.

«Вот сейчас выйдем – подзакушу!» – подумал, облизываясь, Мокренко.

Но Филька, этот упрямый взъерошенный воробей, наотрез отказался уходить.

– погоди, давай еще побродим! Ты только прикинь: мы последние, кто здесь ходит. Через час от этого дома ничего не останется.

4

В соседней комнате стояли три мраморных стола, а в углу – опрокинутый шкаф, вроде тех, в которых в больницах хранят инструменты. Фильке почему-то с первого взгляда не понравились эти столы, хотя они сразу увязались с той мелкой ванной из соседней комнаты.

– Теперь понятно, почему говорили, что тут лежали утопленники, – сказал он сдавленным голосом. – Они тут и правда лежали – вот на этих столах.

– П-почему? – заикнулся Мокренко.

– Ты что, до сих пор не понял? Соображай сам – кладби-

ще, дом за кладбищенской оградой, а тут под боком еще река... Смекаешь?

Мокренко охнул.

– Пошли отсюда! – завопил он.

– Эй, погоди!

Решив обогнуть печь, чтобы оказаться у двери раньше улепетывающего Мокренко, Хитров внезапно увидел нечто особенное. В печи со стороны окна был пролом – в том месте, где в кирпич врезалось ядро. Тонкая плитка осыпалась. Вездесущие солнечные лучи, проникавшие в дом сквозь обрушившуюся крышу, плясали на железных ступенях. Ступенях? Откуда им тут взяться?

Пораженный Филька замер. Ступеньки под печью – что за бред? Куда они могут вести? Присев на корточки, Хитров взгляделся в пролом. Так и есть. Вниз шла узкая винтообразная лестница, конец которой терялся во мраке.

– Петька, – крикнул он. – Да стой же ты! Тут секретный ход!

Мокренко недоверчиво почесал нос, весьма смахивающий на половинку зрелого абрикоса.

– Теперь уже у тебя глюки! – сказал он с облегчением. Но его радость была непродолжительна. До тех пор, пока он сам не заглянул в пролом.

– Ход начинается прямо под печью. Если бы кладка не обрушилась, мы никогда бы его не обнаружили! Соображаешь, что это означает? Мы первые, кто узнал об этом ходе!

Как здорово, что я догадался сюда залезть! – не слушая его, увлеченно рассуждал Филька.

– Я не пойду, – замотал головой Мокренко.

– Куда не пойдешь?

– Туда. Я же знаю, что у тебя в голове, – заявил благоразумный Петька.

Хотя Хитрову и не хотелось лезть в подвал одному, он с видимым безразличием передернул плечом. Филька знал, что у него есть аргумент, перед которым его приятель не устоит.

– Я тебя и не уговариваю. Хочешь, торчи тут наверху. Только имей в виду: клад я с тобой делить не стану.

– Какой клад? – быстро переспросил Мокренко.

– Разве я сказал «клад»? – вскинул брови Филька. – Тебе послышалось. Ладно, ты оставайся, а я потопал.

Мучительно соображая, Петька с подозрением уставился на друга.

– Э нет, ты меня не проведешь! Я с тобой!

– Дело твое! – Филька на четвереньках спустился в пролом.

Мокренко с пыхтением протиснулся за ним.

– Учти: если что найдем, делим пятьдесят на пятьдесят! Или даже нет: мне семьдесят процентов – тебе тридцать, – бормотал он.

– Почему это? – удивился Филька.

– Как почему? А чья была идея физру задвинуть?

Железная винтовая лестница сбегала вниз. Вот уже осталась позади освещенная солнцем полоска, разделявшая свет и тьму. Непривычные глаза видели лишь черноту.

Еще несколько неуверенных шагов, и Филька понял, что ступени закончились. Друзья стояли в темном подвале, обширные границы которого скрывались во мраке.

– погоди, у меня зажигалка есть! – сказал вдруг Петька.

Не успел запасливый Мокренко полезть в сумку, как внезапно наверху что-то загрохотало. Литое ядро врезалось в дом, и солнечные лучи, плясавшие на верхних ступенях, внезапно пропали. Прежде чем ребята поняли, что это означает, по ступенькам запрыгали кирпичи. Приятели едва успели отскочить.

– Смываемся отсюда! Нас сейчас замурует! – закричал Филька и кинулся к лестнице, но было уже поздно.

Ржавая лестница под тяжестью камней обвалилась, узкий же люк, через который они попали в подземелье, завалило обрушившимся полом второго этажа. Друзья стали кричать, но едва ли бульдозерист мог что-то услышать в своей грохочущей машине. Слишком толстым был слой кирпича, да и стены подвала поглощали звуки. Удары ядра стали едва различимыми, и лишь сотрясение стен доказывало, что снос продолжается. Вскоре стены перестали вздрагивать – сно-

сильно уже было нечего. Теперь снаружи не осталось уже ничего, кроме большой кучи кирпича и обрушившихся бревен.

Петька схватил Хитрова за шиворот и принялся трясти с такой силой, что у того в карманах зазвенела мелочь.

– А говорил еще: «Денег на мороженое нет!..» Это все из-за тебя! Из-за тебя мы сюда потащились! Никто не станет нас здесь искать! – всхлипывал Мокренко.

Мотаясь из стороны в сторону в лапищах перепуганного толстяка, Филька размышлял, что положение у них и в самом деле аховое. Их криков никто не услышит. Искать их тоже никто не будет. В школе не знают, куда они пошли, да и о существовании подвала никому не известно. Надо было срочно что-то придумать.

– Не паникуй, толстый! – велел он. – Дай сюда зажигалку! Вдруг мы найдем лом или лопату?

Мокренко судорожно задышал. Ручищи его разжались. Нашарив зажигалку, он сунул ее Хитрову.

– На. Только не очень-то щелкай, в ней газа мало.

Филька крутанул колесико. Прыгающий синеватый огонек осветил влажные стены. Подняв руку над головой, Хитров разглядел каменные своды, легко выдержавшие тяжесть рухнувшего дома. Да, замурованы они капитально. До потолка метра три, а сверху еще и завал.

– Не держи так долго! Зажигалка нагреется и лопнет! – предупредил Мокренко.

– Да не трясись ты! Сам знаю!

Дав корпусу зажигалки остыть, Хитров занялся поисками лопаты или лома. Бесплезно. Ничего похожего на лом в подвале не обнаружилось, части же лестницы оказались слишком прочно скреплены между собой, чтобы их можно было использовать.

– Здесь что-то есть! Иди сюда! – вдруг крикнул Мокренко, забредший в дальний угол подвала.

Филька подбежал к нему и осветил длинный железный ящик, несколько раз обмотанный цепью. Крайние звенья цепи смыкались здоровенным старинным замком.

– Ух ты, солидно! – выдохнул Хитров. – А внутри что?

– Не знаю. Может, оружие или инструменты.

При виде ящика оба приятеля приободрились, вот только замок их смущал.

– Умели раньше делать замочки! С таким нырнешь – так и не вынырнешь! – с уважением сказал Филька.

– Погоди. Вот тут цепь вроде проржавела... Сейчас мы ее!

Петька, порывшись в сумке, извлек полотно от ножовки и после долгой возни перепилил цепь.

– Мне памятник надо поставить, такой я запасливый! – заявил он самодовольно.

– Ага, запасливый... Узнай трудовик, что ты стырил у него новое полотно, он бы тебе поставил памятник. Под глазом, – уточнил Филька.

– Детей бить нельзя... У нас эти, как их, права ребенка... Чего копаешься! Ух, ну и тяжелый же! – засопев от натуги,

Мокренко приподнял край железной машины, а Хитров вытащил из-под ящика разомкнутую цепь.

– Готово! – сказал он и, взглянув на друга, быстро откинул крышку.

А еще спустя мгновение страшный вопль обоих приятелей заставил содрогнуться стены подвала.

Глава 2

ПЕРЧАТКА, СЕКИРА, ЧЕЛЮСТЬ И ЖЕЛТЫЕ БОТИНКИ

Мальчик пришел в аптеку за пластырем. Видит: впереди гном покупает таблетку. Продавец спрашивает его: «Вам таблетку завернуть?»

«Нет, – отвечает карлик, – я ее так покачу.»

Взял таблетку и покатил. Маленький мальчик не удержался и захохотал. Гном обиделся, подскочил к нему и кричит:

«Тебя какой ногой пнуть: правой или левой?»

«Левой», – отвечает мальчик.

Гном пнул его левой ногой, и у мальчика вырос горб.

«Теперь ты всю жизнь будешь горбатый!» – говорит гном.

Мальчик заплакал, а потом схватил пластырь и примотал гнома к стулу.

«Пока не вылечишь – не отпущу!»

«Не надо было говорить «левой», надо было говорить «правой»», – сказал гном. Он пнул мальчика правой ногой, и горб исчез.

Классическая страшилка

В железном ящике лежал высохший мертвец, одетый в черное пальто с блестящими пуговицами. На нем были желтые ботинки. На груди у него лежала большая черная кожаная перчатка. В правой руке мертвец сжимал черную секиру.

Зажигалка в руке у Фильки дрогнула. Ему почудилось, что мертвец раздвинул губы: во рту у него была железная челюсть.

– Давай крышку! – крикнул Хитров.

Приятель ухватился за крышку, чтобы набросить ее на ящик, но та внезапно треснула в их руках и распалась на четыре части. В ту же секунду валявшаяся на полу цепь истлела и рассыпалась чешуйками ржавчины.

Глаза у мертвеца открылись и с выражением злобной насмешки уставились на ребят. Лежавшая у него на груди перчатка пошевелила указательным пальцем, подзывая их подойти поближе.

– Я упырь Хватало-Растерзало. Сегодня после полуночи я убью вас и выпью вашу кровь, – прощелкала железная челюсть во рту у мертвеца.

– А-а-а-а-а!!!

Заорав, Мокренко с Хитровым кинулись в противоположный угол подвала. Здесь Филька еще раз щелкнул зажигалкой, газ в которой уже почти кончился. Внезапно он заметил,

что огонек сильно отклоняется влево. Сквозняк!

– Тут можно выйти! – крикнул Филька.

Мертвец в гробу сипло захохотал.

Трясаясь от ужаса, приятели, мешая друг другу, бросились разгребать доски. Открылся широкий лаз, уходивший под стену. Филька нырнул в него первым, за ним – Мокренко. Им было уже все равно, куда он ведет. Вначале ход шел вниз, а потом, обогнув фундамент дома, стал забирать наверх. Он был сырым и склизким, зато по нему спокойно можно было пробираться на четвереньках.

Филька торопливо полз по глинистому ходу. В ноги ему то и дело упиралась голова пробиравшегося сзади Петьки.

– Ползи скорее, а то догонит! – пугливо шипел Мокренко.

Внезапно Хитров больно стукнулся лбом о камень. Уперевшись ногами в стенки тоннеля, Филька что было сил толкнул камень. В глаза ему ударил яркий солнечный свет. Из последних сил он выбрался наружу и упал на живот. Они лежали в крапиве на территории завода. Камень, который они отвалили, был старой могильной плитой.

2

«Я спятил! Ничего этого не может быть. Вот я сейчас себя ущипну, и все исчезнет», – размышлял Филька, с тупой сосредоточенностью разглядывая листики крапивы. «Ишь ты, какие пушистые, я и не знал, что у нее такие листы», – думал

он как-то параллельно первой мысли.

– Ты чего разлегся? Сматываемся! – крикнул кто-то.

Филька вздрогнул. Подняв голову, он осознал, что здесь не один, а рядом с ним – Мокренко. Тем временем Петька подпрыгнул и, ухватившись за край забора, задергал ногами, пытаясь подтянуться.

– Ты куда?.. погоди! – крикнул ему Филька.

Так и не сумев подтянуться, Мокренко мешком свалился вниз.

– Чего это я буду ждать? Пока Хватало-Растрезало вылезет и выпьет у нас кровь? Типа, вы не беспокойтесь – мы тут рядышком подождем? – поинтересовался он.

– Он в гробу. Упыри только ночью выходят, – заявил Филька, заваливая ход, из которого они только что вылезли, камнем.

«Как странно! Еще двадцать минут назад я не верил в упырей, а теперь почему-то воспринимаю все как должное!» – удивился он мельком.

– Думаешь, Хватало-Растрезало – упырь?

– Иди визитку у него попроси. Давай нагребем побольше камней, чтобы он не выбрался, – предложил Филька.

– Бесполезно, все равно раскопает. Видал, какие у него когти?.. Теперь понятно, куда пропадали люди, которые ночевали в заброшенном доме. Представляешь, ты спишь, а тебе на плечо такая лапища: «Будьте моим добровольным донором!» – сказал Мокренко, помогая приятелю подтаски-

вать к ходу камни.

Когда сверху образовалась уже целая куча камней, Филька уселся на нее и перевел дыхание.

– Теперь не вылезет. Мы тут целый курган навалили, – сказал он.

– Ага, – согласился Мокренко. – Только давай еще вон тот камень подвалим, последний.

Друзья подцепили последний камень, отвалили его и оцепенели. Под камнем лежал маленький череп. Оба колена у Мокренко опять запрыгали, а вместе с ними запрыгал и подбородок.

– О... о... о...

– Спасибо, что убрали камень – хоть солнышко теперь на меня упадет. Сто лет под камнем лежал – солнца не видел, – перебивая его, сказал вдруг маленький череп.

– О-откуда ты з-здесь взялся? – испуганно выговорил Петька.

– Меня убил Хватало-Растерзало, когда я сбежал из дома и решил переночевать на кладбище. Скоро Хватало-Растерзало убьет и вас. Напрасно вы выпустили его из железного ящика, – меланхолично пояснил маленький череп.

– Не убьет. Дом снесли, а ход мы завалили камнями. Он замурован в подвале, – сказал Петька.

Маленький череп едва слышно засмеялся.

– Хватало-Растерзало не боится камней. У него есть Черная Секира, которая разобьет любые камни.

Филька посмотрел на маленький череп и подумал, что у взрослого не могло быть такого.

– Слышь, парень, того... Помочь-то тебе как-нибудь можно? – спросил он.

– Мне уже ничем не поможешь, пока Хватало-Растрезало цел. Но за то, что вы пожалели меня, я открою вам тайну, – растрогался маленький череп. – Запоминайте! В первую ночь, ровно в двенадцать часов, Хватало-Растрезало придет к вам Черную Кожаную Перчатку, и она станет вас душить. Во вторую ночь, тоже в двенадцать, он придет Желтые Ботинки, и они станут вас топтать. Если вы и тогда уцелеете, он придет к вам Железную Челюсть, которая будет вас грызть.

– А если мы и челюсть победим? – поинтересовался Мокренко. Здесь, на поверхности, он чувствовал себя значительно увереннее, чем в подвале, когда из распахнутого ящика на них глянуло лицо мертвеца.

– Это невозможно. Никто никогда не побеждал еще Черной Перчатки, Желтых Ботинок и Железной Челюсти, – сказал маленький череп.

– Ну, а если все-таки?

В пустых глазницах маленького черепа что-то иронично сверкнуло.

– Тогда Хватало-Растрезало придет к вам Черную Секиру, и уж она-то достанет вас и из-под земли. А уже потом придет сам Хватало и выпьет вашу кровь, сожрет ваше мясо,

перетрет ваши кости... – заученно забубнил череп.

Филька похолодел.

– А чего нас-то? Мы-то чё, самые рыжие? Других он что, не может сожрать? – заныл Мокренко и, покачиваясь туда-сюда, самозабвенно забормотал: «Чё я? Я ничё... Ничё я, а я-то чё?» Бормотать так у Петьки был огромный опыт, особенно в школе, когда приходилось отбрыкиваться от всевозможных поручений.

– Вы первые спустились в его склеп. Теперь Хватало-Растерзало должен убить вас, а до этого он не сможет растерзать никого другого. А тебя, мальчик, если ты будешь выть и дальше, я укушу за ногу, – пригрозил череп. Мокренко мгновенно притих.

– А можно как-нибудь одолеть Хваталу-Растерзалу? – задумчиво спросил Филька. – Ну там святая вода? Осиновый кол?

– Нет, это не поможет... Хватало-Растерзало слишком силен. Правда, если... – начал было маленький череп.

Внезапно он осекся и, выпрыгнув из ямы, стремительно покатился к реке.

– Я не могу здесь больше оставаться! Меня зовут кости моих утопившихся с горя родителей! Если вы хотите помочь нам, победите его, – крикнул он на прощание.

– Эй, ты куда? А способ?

– Если я вам скажу, он уже не подействует. Вы должны догадаться сами! Берегитесь Перчатки, Ботинок, Челюсти и

Секиры, а еще больше берегитесь, когда Хватало-Растерзало придет к вам сам!

Высоко подпрыгивая, маленький череп укатился в кусты. Его последним долетевшим советом было: «Возьмите осколок зеркала!»

– Какого зеркала? – не сразу понял Филька.

Зато Мокренко, хотя и был тугодумом, мигом смекнул, что к чему.

– Ясно какого. Того, что меня повесило, – хмуро пояснил он.

3

Когда они вновь подошли к развалинам кладбищенского дома, бульдозер уже исчез. Следы гусениц глубоко отпечатывались на влажной земле и вели к грунтовой дороге, где и обрывались.

– И где мы тут будем искать зеркало? Эти развалины разве что ковшом разгребешь! – заметил Филька, озирая огромную кучу кирпича, высившуюся на том месте, где не так давно еще смотрел слепыми окнами на улицу мрачный дом.

Однако искать зеркало долго не пришлось. Большой его осколок сразу бросился Петьке в глаза, едва они вскарабкались на кучу.

– Вот оно! – радостно воскликнул Мокренко.

– Ну-ка, дай сюда! С чего ты решил, что это то самое?

Мало ли тут было всякого стекла! – заинтересовался Филька и, подбежав, первым схватил зеркало.

Он ожидал увидеть в нем свою физиономию со встопорщенной шевелюрой, но именно ее-то зеркало упорно не отражало, хотя все остальное: небо в рябых тучках, забор, торчащее гнилое бревно – было на своих местах.

– А меня тут нет! – сказал Филька, прикидывая, не стал ли он сам упырем или на худой конец привидением. А то ведь с кем поведешься, от того и наберешься.

– Дай посмотрю!.. Ого, и меня не отражает! А раньше отражало! – возмутился Мокренко. – Давай кокнем его о кирпичи и домой пойдем.

– Кокнуть его мы всегда успеем. Зачем-то же череп советовал его взять. – Хитров осторожно поместил осколок между страницами учебника по математике и убрал его в сумку.

Попутно он обнаружил, что куртка, колени, ладони – все покрыто размокшей глиной, к которой ухитрились приклеиться несколько листьев. Грязь начинала уже подсыхать.

– Вот тебе и прогуляли физру, – буркнул он. – А тут еще представишь, какая нас ждет ночка: хоть сразу в гроб ложись.

Глава 3

ЧЕРНАЯ ПЕРЧАТКА

Мама отправила девочку в магазин за тортом. «Только не садись в такси с черными ишторками!» – предупредила она. «Ладно, не буду», – пообещала девочка.

Когда она вышла из магазина, к ней подъехало такси с черными ишторками.

«Девочка, садись, подвезу!» – раздался из такси хриплый голос.

«Не сяду!» – сказала девочка, но тут пошел дождь. Девочка испугалась, что промокнет, и села в такси. Дверца захлопнулась. Такси с черной ишторкой захохотало и пропало.

Мама долго ждала дочку, а потом вышла из квартиры и увидела, что на коврике стоит коробка с тортом. В коробке лежал бантик ее дочери, две косточки и записка: «Не садись в такси с черными ишторками!»

Классическая страшилка

1

Весь вечер Филька не находил себе места. Он слонялся по квартире и путался у всех под ногами. По телевизору шел

хороший боевик, но разве теперь было до боевика. В висках назойливо стучало: «Двенадцать часов... двенадцать часов».

– Что с тобой такое, Филиппок? – с беспокойством спросила мама, дотрагиваясь рукой до его лба.

– Я не Филиппок, – огрызнулся сын.

– А кто же ты?

– Никто, – брякнул Филька и хотел уйти, но тут неожиданно раздался звонок в дверь.

На пороге стоял Петька и меланхолично дожевывал выданный ему с собой бутерброд.

– Здравсьте, тетя Лен! Я отпросился к вам ночевать. Можно?

Мама слегка удивилась, но сказала:

– Не будете полночи прыгать? Тогда ночуй!

Хитров и Мокренко удалились в Филькину комнату и устроили военный совет. Вдвоем было уже не так страшно. Около десяти часов они сделали вид, что легли спать, а еще примерно через час легли и Хитровы-старшие.

– Представляешь, встанут они завтра, зайдут нас в школу будить, а мы лежим задушенные. И языки вот так, набок, – прокомментировал Мокренко, высовывая нос из-под одеяла.

– Молчи, толстяк, и без тебя тошно! – огрызнулся Филька, со скрипом поворачиваясь к стене. В руках у него был будильник, который он то и дело подсвечивал фонариком.

До двенадцати оставалось уже совсем немного. Надо было соображать, как спастись. Полежав немного, Хитров сел на

кровати и спустил ноги на пол. Так ему соображалось лучше. Раз за разом он представлял себе, как в комнату влетает перчатка, устремляется к кровати и смыкает свои кожаные пальцы на горле спящего.

– погоди, я сейчас вернусь! – крикнул он Мокренко и кинулся в коридор. Через минуту Филька вернулся с большим плюшевым львом и со шваброй.

– Раздевайся и давай сюда свою одежду! – велел он Петьке.

– Зачем тебе?

– На спрос. А кто спросит – тому в нос! Раздевайся!

Петькину одежду Филька кое-как натянул на льва и, положив его на кровать, накрыл одеялом. Повернув игрушку к стене, Хитров остался доволен – теперь со стороны похоже было, что тут спит человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.